

**История философии,
34. Декарт о Боге и природе.
Автор: Артур Холмс из Уитонского колледжа.**

Что ж, я надеюсь, что сегодня днем мы сможем завершить наше обсуждение Декарта. Мы достаточно продвинулись в изучении Декарта, чтобы ясно увидеть, что он не эмпирист, а рационалист. Существует априорное знание, независимое от опыта.

В действительности, его классическим примером этого было обсуждение куска воска, эмпирические свойства которого подвержены изменениям. Но воск как объект мышления, концепция воска, остается. Поэтому я хочу начать с понятия объекта мышления, не объекта чувственного восприятия, а именно объекта мышления.

Очевидно, Декарт утверждает, что у нас есть и другие виды идей, помимо конкретных чувственных представлений и конкретных эмпирических данных. У нас также есть понятия. Думаю, он согласился бы с существованием универсальных, абстрактных понятий.

И он хочет утверждать, что эти понятия, эти объекты мышления, обладают своего рода собственной реальностью, так что определенные вещи универсально истинны для определенных объектов мышления. Они обладают собственной объективностью. И именно в этом контексте он в этих двух последних размышлениях различает сущность материальных тел, то есть понятие материи, сущность, которую вы концептуализируете, материю, и существование материальных тел, которые вы воспринимаете своими чувствами.

Таким образом, его подход к пятой медитации основан на понятиях, объектах мысли, тогда как его подход к шестой медитации основан на восприятии чувственных объектов. И давайте четко определим это различие. Если вы были на лекциях Далласа Уилларда пару недель назад, вы помните, что он провел это различие, отвергнув ту теорию познания, которую он назвал сенсизмом, как если бы единственное знание, которым мы обладаем, было знанием, получаемым через наши органы чувств, что, очевидно, представляло бы собой осознание чувственных деталей, эмпирических данных.

Вместо этого Уиллард заговорил о некоторых объективных, реальных значениях, которые обретают своеобразное существование, как только становятся частью мыслительной системы, объективности значений. И с этим Декарт бы полностью согласился, потому что значение такого слова, как «материя», становится объективной вещью. Материя имеет реальную природу, сущность, которую мы можем концептуализировать.

Таким образом, он говорит о мысленных объектах, которые могут быть универсально поняты общепринятым образом. Есть и другие примеры того же самого. Вернемся к Аристотелю, к его рассуждениям о законах логики.

Законы логики объективны. Они обладают собственной реальностью как структуры всего мышления и всего осмысленного дискурса. Видите ли, правила логики объективно реальны.

Не в том смысле, что это физические, материальные вещи, нет, хотя это верно и для материальных вещей. «Мальчики есть мальчики» — это хороший способ сформулировать закон тождества. Роза есть роза.

Да, это может быть поэтическая идиома. Это может быть логическая прописная истина, но это объективно верно. Видите ли, всё, что имеет логическую форму законов мышления, неизбежно является объективно истинным, истинным по необходимости.

И по крайней мере одно из понятий, которое он рассматривает в пятой медитации, а именно понятие Бога, он рассматривает в терминах объективной реальности законов логики. На самом деле, я думаю, это верно и для материи. Потому что в пятой медитации, касающейся идеи материи и идеи Бога, он пытается показать, что существуют определенные логически необходимые истины, которые мы можем познать независимо от опыта, о материи и о Боге.

И я сказал «независимо от опыта», потому что он рационалист, а не эмпирист. И здесь снова проявляется его рационализм. Логически необходимо.

Да. Их противоречие невозможно. Чтобы это понять, помните, что это сущность материальных тел.

Следует помнить о уже выявленном различии, которое возникло у Гоббса и было очевидно в науке того времени, между первичными и вторичными качествами физического тела. Вторичные качества связаны с тем, что доступно только благодаря нашим пяти чувствам: цвету, обонянию и так далее.

В то время как основные качества — это качества самих материальных вещей. Они составляют саму сущность материи. Теперь вы знаете, каковы были эти основные свойства.

Размер, форма, плотность. Да, мы называем их пространственными свойствами. Потому что сущность материи заключается в том, что она занимает пространство.

Итак, сущность материи заключается в том, что она обладает пространственными свойствами. И если мы можем познать какие-либо необходимые истины о пространстве, логически необходимые истины о пространстве, то мы познаем логически необходимые истины о любой возможной материи, материальном теле, пространственном обитателе. Теперь, какая же наука говорит нам о том, что логически необходимо знать о пространстве? А? Геометрия, если быть точнее.

Таким образом, он пытается показать, что существуют логически необходимые геометрические истины. В качестве примера он приводит простой пример из обычной геометрии. В этом примере он не имеет дела со стереометрией, но, очевидно, мог бы.

В каком-то смысле, этот пример был бы лучше, если бы мы имели дело с твердостью. Понимаете? Но его пример взят из простой геометрии, просто из идеи треугольника. Существуют определенные необходимые истины относительно любого возможного треугольника.

Необходимые истины. Неизбежно верно, что у треугольника три угла. Неизбежно верно, что сумма трех углов треугольника, по крайней мере в евклидовой геометрии, составляет 180 градусов, два прямых угла.

Таким образом, мы можем знать априори, независимо от каких-либо чувственных наблюдений, при условии, что материя является объектом нашего мышления, материей пространственного занятия. Мы можем знать определенные необходимые истины о сущности материи. Понятно? Теперь это очевидно.

И он подробно рассматривает этот вопрос здесь. По сути, он говорит о том, что физика в определённых аспектах может быть не эмпирической, а априорной наукой. И действительно, если вы имеете в виду разделы физики, которые доминировали в его время, например, оптику, то можно заниматься оптикой априори, просто вычисляя углы преломления и так далее, что оптометристы делают и по сей день? Да.

Не пытайтесь заниматься оптометрией, если вам не нравится геометрия. Тогда выясняется сущность материи. И, конечно же, наука его времени была ньютоновской, по крайней мере, она собиралась ею стать.

Это происходило в процессе становления, потому что Ньютон ещё не был им. Бог говорит позже: «Оставьте Ньютона в покое». Всё становится ясно.

Пока нет. Но именно с такой физикой он имеет дело. Другими словами, он придерживается механистического взгляда на материальные тела, включая функционирование человеческого организма.

Материя, причинные силы, вызывающие изменения в человеческом теле. Однако в пятой медитации он, кажется, уделяет относительно меньше времени сущности материи, чем идее Бога. Но понятие Бога — это другое понятие.

Бог не является объектом чувственного наблюдения. Но понятие Бога — это нечто, что мыслится не как обобщение чувственных наблюдений, а абстрактно, в этом смысле. И в третьем размышлении мы видели, что он уже имел дело с понятием Бога, понятием Бога как совершенного существа.

Итак, в пятой медитации его интерес снова обращен к концепции Бога, но к вопросу о существовании Бога. Вы можете спросить: зачем? Если он говорит о сущности материальных тел, зачем переходить к разговору о существовании? И, если предположить, что вы следили за событиями Средневековья, вы сразу увидите, что средневековое представление о Боге — это представление о том, чья сущность заключается в существовании. Следовательно, если Бог — это тот, для кого его сущность действительно заключается в существовании, то его сущность — это существование ; он и есть сама сущность существования.

Речь идёт не просто о существовании другой формы, другой сущности, а о самой сущности существования. Таким образом, существует параллель между необходимыми истинами о материальных телах, известными нам из геометрии, и необходимой истиной о существовании Бога. Существование для понятия Бога подобно тому, как сумма двух прямых углов является понятием трёх углов треугольника.

Безусловно, концепция треугольника — это необходимая истина. Однако противоречие в этом случае будет самопротиворечивым. И, безусловно, концепция Бога также будет самопротиворечивой.

Вот видите, именно этого он и добивается. И поэтому в этом пятом размышлении он развивает онтологический аргумент в пользу существования Бога, идею, аргумент, исходящий именно из идеи. Теперь, если хотите, посмотрите на страницу 51, где он так пишет, в самом верху первой колонки, если я внимательнее об этом подумаю, то окажется, что существование не может быть отделено от сущности Бога так же, как идея горы от идеи долины или равенство трех углов двум прямым углам от сущности треугольника, так что представить себе Бога, то есть существо, в высшей степени совершенное, для которого существование является недостатком, или которое лишено определенного совершенства, не менее невозможно, чем представить себе гору без долины.

Последнее невозможно. Невозможно и представление о Боге, совершенном существе, которого не существует. Теперь вы слышите отголоски идей Ансельма.

Ансельм, исходя из своей точки зрения, что Бог является высшим из всех существ, следовательно, существует. Но во второй колонке из 51 он поднимает интересный вопрос. Следует, как и следует, возразить против того, что необходимо признать существование Бога, предполагая, что Он обладает всеми совершенствами, поскольку существование является одним из них.

Но мое первоначальное предположение было излишним. Нет, из этого не следует. Возражение просто не выдерживает критики.

Его мысль заключается в том, что существование — это не просто ещё одно совершенство. Это сама сущность божественного бытия. А если Его сущность — это существование, то Бог не был бы Богом.

Таким образом, возникает идея совершенного существа. Логическая форма аргумента, я думаю, довольно ясна. Он утверждает, что либо Бог существует, либо Бога не существует.

Иными словами, либо А, либо не-А. Он утверждает, что не-А — это противоречивая позиция, следовательно, ложная. Таким образом, А обязательно истинно.

Противоречие заключается в утверждении, что существо, сущность которого состоит в существовании, не может существовать. Невозможно представить себе несуществующее существо, сущность которого состоит в существовании. Если же вы представляете себе эту сущность, то оно непременно существует.

Итак, на этом завершается то, что Декарт хотел сделать относительно взаимосвязи Бога и человеческого мышления, и в пятой «Размышлении» он пишет: «Да. Я ясно вижу, что достоверность и истинность всей науки, всей теоретической мысли, зависит исключительно от знания истинного Бога. Поскольку до того, как я познал Его, я не мог иметь совершенного знания ни о чём другом».

Но теперь, когда я познал Его, я обладаю средствами для приобретения совершенного знания как о Боге, так и о других интеллектуальных объектах, а также о телесной природе, поскольку она является объектом чистой математики. Существование Бога, совершенного существа, которое не обманывает, вселяет уверенность в необходимые истины, в логически

необходимые истины. Таким образом, то, что логически необходимо не только в отношении Бога, но и материальных тел, можно принять без сомнения.

Это пятая медитация. Комментарии? Да. Да, Кристен. Это логический аргумент? Ну, можно сказать, я бы сказала, что надписи — это углы, но это 150 градусов.

Это не делает утверждение верным. Верно, верно. Так почему бы не сказать то же самое о Боге? Можно придумать определение, но это не так.

Но видите ли, геометрия не работает при 150 градусах. Верно, но вы все равно можете сделать такое утверждение. Ах да, но он же не об утверждении говорит, правда? Разве он не говорит о концепции, концепции треугольника? Теперь проанализируйте концепцию треугольника геометрически, то есть логически.

Понимаете? Логически необходимо, чтобы треугольник был треугольником. А треугольник, сумма углов которого равна лишь 150 градусам, не будет треугольником. Понимаете? В этом случае получилось бы не что-то подобное, а что-то вроде... ну, я не совсем уверен, что именно.

Я хотел так выразиться, но что-то там не сработало. Но нет, думаю, нужно будет сказать что-то вроде этого. Они никогда не встречаются.

Я нарисовал их не совсем параллельно, но они бы никогда не сошлись или что-то в этом роде. Так что нет, такая геометрия не подошла бы. Видите ли, сама природа треугольника этого не позволяет.

Если начать с концепции треугольника в трехмерном пространстве, то вот к чему это приведет. Теперь, можно ли разработать неевклидову геометрию, в которой 150 градусов? Я не знаю. Я сомневаюсь.

Я полагаюсь на мнение всех студентов-математиков. Думаю, вы бы занимались переосмыслением понятия степеней. Если вы понимаете, о чём говорит Кристен, то, я имею в виду, кто-то может придерживаться неверной концепции треугольника.

Нет, они бы не придерживались концепции треугольника. Они бы исходили из ложного предположения о треугольниках. Тогда откуда Декарт знает, что он не прав? Хороший вопрос, и я думала, что ты именно к этому и клонишь, Кристен.

Возможно, вы так и говорили. Хорошо. Теперь предположим, что вы говорите это о Боге, а именно, что сущность Бога, Бог, — это то, чья сущность заключается в том, чтобы быть добрым, прекрасным, могущественным, но не необходимым существом, не логически необходимым существом.

Предположим, вы так скажете, что бы ответил Декарт? Это не Бог. Видите ли, это не Бог. Почему? Ну, видите ли, возможно, именно здесь Декарт так и не смог избавиться от своей зависимости от средневековой философской системы.

Почему тот, кто совершенно добр, обязательно должен быть необходимым существованием? В средневековом контексте это объясняется тем, что на вершине иерархии бытия находится наибольшая степень бытия. Таким образом, по определению, совершенно добрый — это необходимое существование. Теперь, в таком случае, аргумент Декарта является системно-зависимым, если его концепция Бога является частью этой средневековой концептуальной схемы, то да, так что из этого не следует необходимость.

Не в этой медитации. Я не думаю, что он здесь разбирается с вопросами причинно-следственной связи. Его аргумент о причинно-следственной связи существования Бога содержится в третьей медитации.

О, да. Ну, если вы имеете в виду, что это другой аргумент, отличный от третьего размышления, то, безусловно, да. Третье размышление — это аргумент, основанный на причинно-следственной связи.

Это не так. Да, я предпочитаю подход Ансельма, потому что с точки зрения иерархии бытия я могу яснее увидеть, как этот аргумент может работать в рамках данной философской системы. Однако в подходе Декарта есть нечто гораздо более простое, понимаете.

Если ему удастся убедить всех в том, что эта концепция необходимого явления существует, то, видите ли, проблема очевидна. Возражение против неё сегодня, возможно, подчёркивает эту проблему. Вы находите современное возражение, что существование Бога логически не является необходимым.

Сейчас утверждается, что Бог онтологически необходим, то есть, если Бог существует, то он не может существовать. Допустим, Бог существует; его существование — это необходимое существование. Оно ни от чего не зависит.

Но утверждать, что существование Бога логически необходимо, — это уже сложнее. Поэтому некоторые утверждают, что он смешивает два вида необходимости: логическую необходимость и онтологическую необходимость.

Он начинает с концепции Бога как онтологически необходимого существа. Конечно, он существует; это необходимое существование, вы поймете. И невольно скатывается к тому, что его сущность заключается в существовании, в логической необходимости.

Хорошо, перейдём к шестой главе, шестому размышлению. Что вы думаете о теистических аргументах, которые не работают? Некоторые из вас, возможно, знают имя Бернарда Рамма, евангелического теолога, который несколько лет назад довольно много писал об апологетике и тому подобном. Помню, однажды в разговоре с ним он сказал, что проблема с теистическими аргументами может заключаться не в том, что в них нет действительно хороших аргументов.

Возможно, мы просто ещё не додумались до них. В конце концов, что делали люди до того, как Ансельм и Декарт придумали эти аргументы? Видите ли, аргументы — это то, что люди придумывают. Именно этому и учат в философии — придумывать аргументы.

Следует помнить, что вера не зависит от достоверности вывода силлогизма, вытекающего из его посылок. Вера — это гораздо более целостное понятие, гораздо больше укорененное в жизненных и мыслительных процессах, чем просто в одном конкретном аргументе или наборе из двух-трех аргументов. Также следует помнить, что Священное Писание никогда не подразумевает, что вы можете доказать существование Бога или что вам это необходимо.

В нем очень просто говорится, что творение свидетельствует, небеса возвещают славу Божью, природа свидетельствует, но многое зависит от нашей открытости этому свидетельству. Идея о том, что можно доказать существование Бога с помощью каких-то логически обоснованных и сложных доказательств, подразумевала бы, что каждый, кто не верит, либо не способен следовать логическим рассуждениям, а значит, глуп, либо настолько упрям, понимаете. А я в это не верю.

Я так не думаю. Я не думаю, что это так просто. Хорошо, перейдём к шестой медитации.

И вот здесь он наконец доходит до существования материальных тел. И это, как бы странно это ни казалось поначалу, — именно здесь он наконец-то разбирается с вопросом о существовании материальных тел. к тому, есть ли у него тело. Он все это время подбрасывал дрова в печь в отапливаемой ею комнате, логически не будучи уверенным, есть ли у него тело, которое нужно согреть.

Теперь, чтобы разобраться в этом, ему снова приходится начинать с наших состояний сознания, если хотите, с наших идей. И он различает три вида состояний сознания, чтобы развить свой аргумент. Он различает концепцию, воображение и ощущение.

И я думаю, это очень важно. На странице 53 — зачатие, 54 — воображение, 55 — ощущение. Мы уже достаточно сказали о зачатии, чтобы вы понимали, что он под этим подразумевает.

Имея в виду объекты мышления, в отношении которых определенные вещи обязательно верны, как, например, математические объекты, такие как треугольники, или объект мышления, такой как сущность Бога. Теперь, все, что делает концепция материального тела, концепция материального тела с теми пространственными свойствами, которые он видит, является существенным для материальных тел, сама природа концепции требует этого. Но все, что показывает эта концепция материального тела с пространственными свойствами, это то, что в концепции материального тела нет ничего логически противоречивого, что, по крайней мере, логически возможно существование материальных тел.

Нет никаких логических противоречий существованию материального тела. И поэтому, если нет логических возражений, мы можем сказать: да, это логически возможно, но на этом всё. Нельзя доказать существование материального тела, основываясь лишь на абстрактной идее материи.

Итак, помимо представления, которое дает нам, если хотите, в его смысле, некое врожденное представление о материи, существует воображение, которое дает нам некоторые искусственные представления о телах. Воображение — это способность представлять в своем уме, например, голубого кота или жирафа-фею с крыльями бабочки, способность представлять вещи, да, даже образы реальных вещей, например, образ моего дома детства, который я мог бы добровольно представить себе, что-то в этом роде. В этих случаях задействована умственная деятельность.

Эти образы не всегда, но часто бывают добровольными в том смысле, что мы намеренно формируем какой-то образ. Более того, в воображении присутствует некий внешний ориентир. Да, я думаю о том доме на холме, и так далее, и так далее, внешний ориентир, пространственный ориентир.

Но даже в этом случае всё, что делает воображение, — это оказывает определенное влияние на убеждение. Образная идея убедительна. Она оказывает определенное психологическое воздействие.

Но доказательств существования того, что я себе представляю, по-прежнему нет. Однако когда он обращается к ощущениям, это уже совсем другое дело. Он думает об ощущениях не просто в понятии изолированного чувственного восприятия синевы, а скорее об ощущениях в обычном, здоровом смысле этого слова.

Когда кто-то буквально щекочет вас, и вы говорите: «Ах, это довольно приятное ощущение». Видите ли, физическое ощущение включает в себя телесные чувства, возможно, удовольствие и боль, и, конечно же, пространственное местоположение. Если у вас болит палец на ноге, вы знаете, что болит именно палец и какой именно.

Таким образом, эти ощущения, которые вы испытываете, являются случайными. То есть, они возникают, они приходят к вам, они вызваны чем-то. И они, как правило, являются произвольными ощущениями.

Затем он задает вопрос о причине таких ясных, отчетливых, ярких физических ощущений, которые я испытываю. Он хочет сказать, что в таких ощущениях я чувствую собственное тело, понимаете? Я чувствую собственное тело.

Да, я чувствую боль в пальце ноги, не просто в пальце, а именно в пальце. Это боль в пальце ноги. Это не что-то конкретное, не просто идея, не абстракция от какого-либо определенного места .

И вот отсюда естественным образом возникает естественное суждение, которое мы выносим. Нас учит природа, понимаете? Природа учит нас, что это её язык.

Природа учит нас посредством этих ощущений о существовании наших собственных тел. Есть ли этому какое-либо объяснение? Эти ощущения не вызваны мной; они произвольны. Мой разум не выбирает их испытывать.

Они не могли быть вызваны Богом, потому что если бы это было так, он обманывал бы меня, а Бог, будучи совершенным, не обманывает меня тем, как он меня создал. Поэтому это не могло быть вызвано Богом. Единственная другая альтернатива — это то, что у меня действительно должно быть тело, которое и вызывает эти чувственные переживания.

Итак, существование моего тела. Доказательство? Ну, в смысле строгого логического доказательства — нет, но в смысле обоснованного суждения — да, при условии, что Бог — совершенное существо, которое не наделяет меня обманчивыми чувствами. Да.

Итак, существование моего материального тела. Но вы спросите: а как же остальной материальный мир? Как вам это? И здесь, конечно, это просто аргумент причинно-следственной связи. Потому что если с моим телом происходят события, в результате которых я испытываю физические ощущения, то должно быть что-то, что вызывает эти события в моем теле, и вы получаете причинно-следственный аргумент.

Именно таким образом он предлагает аргумент в пользу существования не только других тел, помимо нашего собственного, но и других разумов, помимо нашего. Потому что, если мы окажемся в ситуации, когда в моём сознании я осознаю корреляцию между моими телесными состояниями и моими психическими состояниями, то по какой-то аналогии я могу увидеть, что будет существовать корреляция между телесными состояниями другого человека, которые я наблюдаю, и его психическими состояниями, которые я не наблюдаю. Таким образом, это аргумент по аналогии.

Видите ли, у меня есть собственные телесные ощущения, но в некоторых случаях они вызваны другими телами, поведенческие проявления которых аналогичны моим. Таким образом, зная, какие психические состояния соответствуют моим телесным состояниям, я могу сделать вывод о том, какие психические состояния соответствуют телесным состояниям других людей. Например, если я ударюсь пальцем ноги и мне будет больно, я могу предположить, что если я увижу, как кто-то другой ударяется пальцем ноги и вскрикивает так же, как и я, то мне тоже будет больно, и я буду обладать некоторыми знаниями о психических состояниях других людей.

Таким образом, мы получаем его предложение об аналоговом выводе, аргументации по аналогии, о существовании других разумов. И, кстати, то, с чего начал Декарт, было продолжено на протяжении всего XVIII века и вплоть до XX века в английской и континентальной традициях. До XIX века это был стандартный способ аргументации существования других разумов.

И лишь в конце XIX — начале XX века начинает формироваться представление о более непосредственном осознании сознания других людей. Поэтому язык таких людей, как Мартин Бубер, говоря об отношениях «Я-Ты», — это попытка сказать, что это не просто аналоговый вывод посредством картезианского процесса, а нечто гораздо более интимное благодаря таким эмоциональным состояниям, как эмпатия или сочувствие, то есть буквально чувство, выраженное через общее сознание. Или эмпатия, да, чувство «в чужих объятиях», общее чувство, некое ощущение этого.

Итак, вот какой путь он выбирает. Из этого вытекают еще три момента, которые он рассматривает. Первый — это проблема ошибки.

В конце концов, он говорил об ощущениях, которые можно считать достоверными, но разве не существуют также сенсорные иллюзии? Разве их физиологически не называют галлюцинациями и так далее? Как мы это объясним? И если Бог совершенен настолько, что данные им способности к восприятию не обманывают, почему же мы обманываемся? Можно сказать, что это возвращение к старому вопросу из четвертой медитации, но теперь он касается чувственного восприятия, а не абстрактного мышления, тогда все было

иначе. Что ж, он приводит пару факторов, которые можно почти предсказать. Во-первых, наши тела состоят из множества различных частей, так что сбои в работе какой-либо части из-за болезни или чего-либо еще могут вызывать ощущения, которые не говорят нам правду напрямую.

И он объяснял галлюцинации подобным образом. Ещё он добавляет, что в этом участвуют и воля, и интеллект. Нет ничего обманчивого в том, чтобы испытывать целую цепочку ощущений, одно, два, три, четыре, из которых, скажем, четвертое ощущение может оказаться ненадёжным.

Ошибка заключается лишь в том, что мы выносим суждение, которое касается достоверности четвертого ощущения. Таким образом, акт суждения включает в себя интеллект, оценивающий ощущения, и волю, подтверждающую это суждение. И мы ошибаемся, и вы знаете, к чему это приводит, когда позволяем воле выносить суждения, выходящие за рамки того, насколько интеллект удовлетворен ощущениями.

Они должны быть ясными и четкими. По сути, это тот же самый аргумент, что и в четвертой медитации. Хорошо, ошибка.

Второй, наиболее важный вопрос касается взаимосвязи разума и тела. Декарт до сих пор давал нам представление о существовании тела, которое представляет собой пространственно протяженную вещь, и о существовании разума или души, которые являются мыслящей вещью. Иными словами, это две принципиально разные вещи.

По сути, мы имеем в виду, что они имеют разную сущность. У них нет общих существенных свойств. По сути, это разные вещи.

Так или иначе, соединены. Как это работает? Думаю, справедливо будет сказать, что Декарт задумывал это именно так, ведь, как вы помните, в предисловии он говорит, что стремится доказать существование души. Если хотите, он пытается доказать существование души, которая является субстантивной, нематериальной сущностью и, следовательно, может пережить смерть.

Оно способно к независимому существованию. Поэтому он хочет, чтобы душа была функционально отдельной вещью. По сути, чем-то иным и функционально отдельной вещью.

И он получил то, чего хотел. Но проблема, которая возникает, очевидно, заключается в том, как эти два понятия связаны. А точка зрения Декарта состоит в том, что и разум, и тело функционируют как причины, производящие следствия друг на друга. Таким образом, определенные умственные действия

могут вызывать телесные изменения, как это произошло только что, когда вы начали это записывать.

И точно так же, определённые изменения в организме могут вызывать психические состояния и ощущения. Таким образом, существует причинно-следственная связь.

Что ж, звучит неплохо, и, безусловно, есть доказательства того, что то, что происходит в уме, влияет на то, что делает тело, и наоборот. Да, но как это происходит, если это две по сути разные и независимо друг от друга сущности? Как они могут причинно взаимодействовать? И то, к чему приходит Декарт в своей работе о страстях, а затем развивает в переписке с людьми, заключается в том, что это взаимодействие происходит в шишковидной железе, которая, по-видимому, находится где-то там, сзади. И в те времена, когда проводились вскрытия, пытаясь исследовать тело и его механизмы, они не могли понять, какую функцию она выполняет.

Кроме того, хотя, по-видимому, существуют еще два типа желез, эта всего одна, что, кажется, указывает на ее предназначение для объединения чего-либо. И вот на это они обратили внимание. По крайней мере, Декарт.

Как же это работает? Ведь железа — это часть тела. И поэтому она до сих пор ничего нам не рассказала. Он же представляет человеческое тело как совокупность каналов, по которым, как они это называют, животные духи проходят свой путь.

Очевидно, что это физиология XVI и XVII веков, эти «животные духи». Напомню, что кровообращение было открыто только в XVII веке. Харви, кстати, был моим соседом.

Я вырос в городе Дувр на юго-востоке Англии. Его дом находился в Фолкстоне, в семи милях от него. В Фолкстоне на набережной стоит его статуя.

А средней школой в Фолкстоне, которая была нашим постоянным конкурентом в спорте, была школа Харви, названная в его честь. Грамматическая школа Харви. Грамматическая школа в Англии — это средняя школа.

По всей видимости, грамматику преподают только в гимназии Харви. Это же XVII век, понимаете? А во времена Декарта мыслили не с точки зрения кровообращения, а с точки зрения циркуляции «животных духов», которые движутся по железам.

Он представлял себе железу как нечто, подвешенное в канале, по которому проходят животные инстинкты, так что животные инстинкты, то есть телесные

процессы, влияют на железу, которая, будучи так или иначе связанной с мозгом, вызывает изменения в мозге и в сознании. И это было лучшее, что он смог придумать. Таким образом, возникает взаимодействие разума и тела.

История о шишковидной железе Декарта обычно воспринимается как одна из тех классических нелепостей, потому что она совершенно ничего не объясняет. И это... Вот в чём, собственно, и заключается главная проблема. К этому добавляется очевидный факт, что, хотя между тем, что происходит в уме, и тем, что происходит в теле, существует причинно-следственная связь, так или иначе, мы представляем собой функциональное единство.

Такой подход, основанный на причинно-следственной связи между разумом и телом, по-видимому, не объясняет сущностное единство «я». Видите ли, неправильно говорить: «Я — разум, имеющий тело». Понимаете, я скорее психосоматическое единство.

Именно этого единства не хватает Декарту. И, следовательно, последователи Декарта постоянно обеспокоены этой проблемой соотношения разума и тела. Что нам с этим делать? Какие есть альтернативы? Видите ли, была одна альтернатива, которая развилась в основном благодаря некоторым кальвинистам, человеку по имени Герлинкс, который разработал теорию, известную как окказионализм, которая, по сути, утверждала, что причиной соответствующего поведения разума и тела является Бог.

Мои мысли — это лишь повод, по которому Бог вносит изменения в мое тело. А изменения в моем теле — это лишь повод, по которому Бог вызывает изменения в моем психическом состоянии. Это феномен случайности.

В основе этого лежит точка зрения, которая была довольно распространена в те времена. И сегодня иногда можно услышать, что сказать, что Бог всемогущ, значит сказать, что Бог обладает всей существующей силой. Никто другой ею не обладает.

Таким образом, вся причинная сила, проявляемая любым существом, на самом деле проявляется не этим существом, а Богом, понимаете. И если Бог является причинным агентом всего, что происходит постоянно, то необходима точка зрения окказионализма. Другие события — это всего лишь поводы для проявления причинной силы Бога.

Однако эта точка зрения не получила широкого распространения. В конце концов, даже такие богословы, как Кальвин, довольно ясно указывают на существование как вторичных, так и первопричин, Бога. А как говорил Фома Аквинский, Бог является причиной всего причинно-следственного порядка.

Видите ли, Бог — это конечная причина, причинно-следственный порядок, непосредственная причина. Поэтому окказионализм — это вариант, который просто не воспринимался всерьез. Когда мы в следующий раз обратимся к Спинозе, мы увидим, что он разработал теорию двойного аспекта.

Иными словами, идеи и, э-э, физические изменения — это всего лишь два аспекта одной и той же лежащей в основе субстанции. Таким образом, ментальное или физическое — это два атрибута одного и того же. Одна и та же основополагающая реальность функционирует двумя разными способами.

Когда мы дойдем до Лейбница, мы увидим, что он предполагает, что эти два понятия были запрограммированы создателем на функционирование в идеальной гармонии, изначально установленной гармонии на протяжении всего процесса. Как два часа, заведенные и запущенные одновременно. Таким образом, не требуется внешняя причина, но когда я хочу поднять руку, я уже запрограммирован.

Моё тело устроено таким образом, что Поднимаю руку, понимаете. Лейбниц, мы увидимся с Лейбницем через неделю. Но, честно говоря, какие есть альтернативы? Понимаете, как только вы ставите перед собой задачу о двух сущностях, способных к независимому существованию и функционированию и не имеющих общих существенных качеств, вы понимаете, что в нынешний период самый главный аргумент против такого рода дуализма заключается в зависимости всех наших психических состояний от мозга.

Гораздо ближе к определенным взаимоотношениям . Поэтому в наши дни альтернативные подходы, как правило, фокусируются на зависимости от мозга. И если желателен дуализм , как это до сих пор отстаивают многие философы , то это должен быть дуализм, в котором существует большая взаимозависимость , больше с отделимой душой, чем с уже отдельной душой.

Существо, способное к отдельному существованию после смерти, но при этом остающееся отдельным. Но мы увидим больше подобного со временем. И, наконец, еще одно замечание.

И последнее замечание. Похоже , половины минуты для этого недостаточно. Жаль.

Хорошо, к заключительной части мы вернемся в следующий раз. Декарт о страстях , а затем об этике.